

Из истории политической борьбы 50-х гг. XVI в.

«Дело князя Семена Ростовского»

А. В. Сергеев

Несмотря на особое внимание отечественной историографии к эпохе Ивана Грозного в ней остаются недостаточно изученные эпизоды, одним из которых является «дело» князя Семена Ростовского. Упоминания о нем можно встретить почти в каждой работе, затрагивающей события отечественной истории первой половины пятидесятих годов XVI в.¹ Исследователи придавали важное значение этому «делу», как одному из первых проявлений кризиса в отношениях между царем и аристократией Государева двора, приведшего к учреждению опричнины. И. И. Смирнов видел в нем «возглавлявшийся Семеном Ростовским боярский заговор», «заговор князей Лобановых-Ростовских»², С. Б. Веселовский отмечал связь рассказа Царственной книги о болезни царя Ивана весной 1553 г., рассказа о «Побежании в Литву князя Никиты Лобанова Ростовского» Никоновской летописи и «инцидента с изменой боярина кн. Семена Васильевича Ростовского»³. К материалам «дела» не раз обращался сам Иван Грозный, о чем свидетельствуют указания «Описи царского архива» и правки в Лицевом летописном своде на соответствующих листах⁴. При всем том историками не были полностью выявлены все причастные к «делу» лица и не прослежена их дальнейшая судьба, возникло недоразумение при отождествлении главных его участников по родословным, в результате которого описание этого «дела» в большинстве исторических трудов дано с ошибками. Поэтому представляется целесообразным еще раз обратиться к источникам для уточнения деталей, выпадавших из поля зрения исследователей, выяснить, кто из князей Ростовских был замешан в «деле», привлечь источники, содержащие биографические сведения об этих лицах.

О «деле» князя Семена Ростовского рассказано на страницах Никоновской⁵, Львовской⁶, Лебедевской⁷ летописях, а также в Лицевом летописном своде⁸. В июле 1554 г. в Торопце был арестован князь Никита Семенович Лобанов-Ростовский по подозрению в попытке перехода литовской границы. На допросе он рассказал, что в Литву был послан боярином князем Семеном Васильевичем Ростовским, который намеревался ехать туда вслед за ним, «а с ним братья его и племянники»⁹. Из последовавших допросов боярина выяснилось, что весной 1553 г., во время опасной болезни царя, когда возник вопрос об определении наследника трона, князь Семен вместе с некоторыми другими боярами¹⁰ поддержал кандидатуру князя В. А. Старицкого, а не семимесячного царевича Дмитрия. Свое решение князь С. В. Ростовский мотивировал тем, что «толко намъ служити царевичю Дмитрею ино нами владети (Захарынымъ) и чемъ

нами владети Захарыными ино лутчи служити князю Владимиру Ондревичю». Но царь выздоровел, и бояре «меж себя почали говорить чтобы то дело укрыть», а князь Семен со страху «съ того времени учяль мыслити в Литву». От слуг князя Семена узнали, что еще в августе 1553 г. их хозяин вел тайные переговоры с главой находившегося в Москве литовского посольства Станиславом Довойной «и думу царя и великого князя послам рассказывал ... и многие поносительные слова про царя государя и великого князя им говорил». Свои действия С. В. Ростовский объяснял «от убожества и от малоумия».

Подлинная причина попытки отъезда князя С. В. Ростовского была неудобна для огласки, и в официальном посольском наказе Федору Вокшерину, отправившемуся в Литву 6 сентября 1554 г. (1554 г.), была изложена версия, выдвинутая самим князем Семеном — о присущей ему «скудости разума»¹¹. О его сообщниках в наказе говорилось лишь в общих словах, а в летописных текстах упоминались «братья его и племянники» из фамилий Лобановых и Приемковых, также не названные по именам. Кто же из князей Ростовских собирался отъехать в Литву? Каковы были родственные отношения князей Н. С. Лобанова и С. В. Ростовского?

В историографии утвердилась традиция считать князя Семена Васильевича Ростовского отцом князя Никиты Семеновича Лобанова-Ростовского. В соответствии с этой интерпретацией князя Семена Васильевича причисляли к ветви Лобановых, и в трудах ряда исследователей упоминается князь С. В. Лобанов-Ростовский, неизвестный источникам¹². Совпадение имен отца князя Никиты Лобанова и боярина князя Семена Васильевича Ростовского делает такую интерпретацию как будто очевидной, но данным источников она не соответствует.

По тексту Румянцевской родословной книги, «у князя Володимера у Ондреевича, у княж Иванова брата Брюхатово, у четвертого дети: Дмитрий да Александр... А у князя Олександра у Володимеровича же дети: Иван, Василей, а княж Васильев сын князь Семен», и далее: «А княж Ивановы дети Лобановы: Иван, да Семен, да Борис, да Ондрей, бездетен, да Василей, бездетен, да Иван... А княж Семеновы дети: 3 князи Иваны, 4-й Петр, да Никита»¹³. Аналогичный текст приведен и в других редакциях родословных книг¹⁴.

Таким образом, князья Семен Васильевич Звяга¹⁵ и Никита Семенович Лобанов являются шестиюродными братьями, а отцом князя Никиты был упоминаемый лишь в родословных князь Семен Иванович Лобанов-Ростовский.

Ошибки в определении степени родства князей С. В. Ростовского и Н. С. Лобанова избежал С. Б. Веселовский¹⁶, поскольку в своих исследованиях он опирался непосредственно на тексты родословных книг, но погрешности в этом вопросе у других исследователей им отмечены не были. Вероятно, поэтому указанное недоразумение продолжает воспроизводиться и в трудах современных авторов¹⁷.

У дяди Семена Звяги (Ивана Александровича) в родословных детей не показано, а сам князь Семен был у отца единственным сыном, следовательно, у него не было родных братьев и племянников. О каких же «братьях и племянниках» говорится в летописях?

Из текста Лицевого летописного свода и приписок к нему следует, что под братьями и племянниками князя С. В. Ростовского подразумевались представители ветвей Лобановых, Приемковых, а позднее на полях Лицевого свода был приписан князь Андрей Иванович Катырев-Ростовский¹⁸.

Если под Лобановыми, хотевшими бежать вместе с князем С. В. Ростовским, имелся в виду Н. С. Лобанов, то кто из представителей Приемковых был замешан в деле из летописного текста — неясно, и в этом состоит еще один вопрос.

Судом князь Семен был приговорен к смерти и лишен боярства, но царь помиловал его благодаря ходатайству митрополита и других церковных иерархов. Бывшего боярина отправили в тюрьму на Белоозеро. Здесь возникает вопрос: какова была дальнейшая судьба князей Ростовских, замешанных в «деле»?

Ответов на указанные вопросы нет в трудах исследователей, рассматривавших события, связанные с «делом» князя Семена Ростовского, т.к. они ограничивались сведениями, приведенными в текстах летописей и посольском наказе Ф. Вокшерину, тогда как для ответа нужна дополнительная информация, отсутствующая в этих источниках. Прежде всего, необходимо собрать биографические данные об участниках «дела».

Деятельность князей Ростовских при дворе московских великих князей и царей позволяют проследить разрядные книги, летописи, акты, местнические дела. Из родословных книг известно, что около 1328 г. их род разделился на старшую ветвь Ростовских-Усретенских и младшую — Ростовских-Борисоглебских. Видное положение при московском дворе в начале XVI в. заняли некоторые из представителей младшей ветви и среди них дед князя Семена — Александр Владимирович Ростовский. Отец С. В. Ростовского Звяги — князь Василий Александрович упоминался в разрядных книгах лишь однажды, в 1521 г., как воевода в Новгороде-Северском¹⁹. Возможно, он рано умер, но его двоюродный брат, князь Андрей Дмитриевич Ростовский имел значительное положение при дворе и был боярином. Сыновей у князя Андрея не было, и наследовать ему должен был племянник Семен Васильевич. Разрядами князь Семен упоминался в 1543 г. первым воеводой в Галиче «за городом», а потом — воеводой во Владимире под начальством дяди А. Д. Ростовского²⁰. В декабре 1547 г., когда во время похода на Казань царь шел с войском из Владимира к Нижнему Новгороду — в сторожевой полк первым воеводой, вместо отпущенного в Москву лечиться И. П. Федорова, был назначен князь С. В. Ростовский²¹. По записи Шереметевского боярского списка, около 1553 г. он был пожалован боярством²². Между уходом в Борисоглебский монастырь князя А. Д. Ростовского около 1550 г.²³ и пожалованием боярского чина его племяннику прошло более двух лет, что может косвенно свидетельствовать о нежелании царя дать высший чин человеку, к делам службы малоспособному. Впоследствии Иван Грозный не раз повторял, что пожаловал С. В. Ростовского не за заслуги, а «для отечества»²⁴. Отсрочка эта могла породить у князя Семена недовольство и стать дополнительным стимулом к поддержке Старицких во время политического кризиса весной 1553 г. В июне 1553 г. князь С. В. Ростовский был в числе бояр, сопровождавших царя в походе к Коломне²⁵.

В 1550-х гг. в боярском списке ДТ были записаны три представителя Ростовских: князя Ю. И. Темкин, С. В. Ростовский и А. И. Катырев²⁶. Последний получил боярство позднее 1554 г., и первоначально был записан в списке «Князи Ростовские» ДТ, а потом добавлен 49-м в боярский список. Таким образом, к 1554 г. только двое из князей Ростовских были боярами, и все они принадлежали к младшей ветви Ростовских-Борисоглебских. Наиболее заметной фигурой из них был князь Юрий Иванович Темкин (имел самый большой послужной список, чаще других упоминается источниками, записан в боярском списке 15-м, т.е. выше князя Семена), а вторым по значению был князь С. В. Ростовский (в боярском списке на 23-м месте).

Представители старшей ветви князей Ростовских-Усретенских (Щепины, Приимковы, Гвоздевы) и младших ветвей князей Ростовских-Борисоглебских (Буйносовы, Лобановы, Касаткины, Голубые, Бычковы) редко упоминались источниками первой половины XVI в. Большинство их находилось на значительном удалении от московского двора в Новгородских пятinah, где в конце XV — начале XVI вв. представители этих семей были наделены поместьями из земель, конфискованных у новгородских бояр²⁷. На протяжении всего XVI в. почти все упоминания в источниках представителей родов Лобановых, Бычковых, Касаткиных, Приимковых, Щепиных связаны с Великим Новгородом. По-мнению Р. Г. Скрынникова, можно говорить о делении Ростовских на два разряда: высший и низший²⁸. К первому принадлежали Темкины, Катыревы, С. В. Ростовский, а ко второму — все остальные, перечисленные выше.

Такое положение подтверждается высказываниями князя Б. М. Лыкова в ходе местнического дела с князем Д. М. Пожарским в 1603 г.: «да и в иных Госуд[арь] многих родах, то есть, что от большова брата колено пойдет, а в розрядех малы и худы будут, а от Меньшова брата колено пойдет, а в разрядах велики живут, и те, Госуд[арь], худые с добрыми по-родословцу лествицею не тяжутся, а тяжутца по случаю розрядным». В качестве примера Б. М. Лыков привел в числе прочих и князей Ростовских: «Гвоздевы лествицею тою ни как ни с коими чужими роды в отечестве не считаются, и родителей своих, Ростовских Князей, тем никак не худят, что они в родстве своем по лествице большы Катыревых и Темкиных»²⁹.

В связи с изложенным возникает еще вопрос: каким образом при московском дворе оказались представители Лобановых и Приимковых, если они жили не в Москве, а в новгородских поместьях и значительного положения при дворе не имели?

Возможно, что установлению более тесных отношений между Ростовскими, занявшими видное положение при царском дворе и их родственниками, служившими в отдаленной провинции, способствовала «Тысячная реформа». В 1550 г. был издан указ о раздаче под Москвой поместий тысяче «лучших слуг» царя. Был составлен их список — Тысячная книга, включающая около 1080 человек, разделенных на три разряда — «статьи»³⁰. В списке второй статьи³¹ «по Ростову» записаны князя Андрей Иванович Катырев и Григорий Иванович

Темкин³². В третьей статье по Ростову значились князья Иван, Василий и Михаил Федоровичи Приимковы (представители старшей ветви Ростовских-Усретенских — Приимковы-Бахтеяровы); князья Никита и Федор Дмитриевичи Буйносовы, «Иванец да Микитка княж Борисовы дети Лобанова-Ростовского». После этих перечислений следует раздел «Дети боярские новгородские помешики, псковские, торопецкие и луцкие». В Вотцкой пятине по Ижорскому погосту был записан князь Иван Иванович Буйносов. По Шелонской пятине Струпинского погоста — князь Иван Дмитриевич Щепин-Ростовский (из старшей ветви Ростовских-Усретенских). По Толдужскому погосту Вотцкой пятины также значились представители старшей ветви Ростовских — Никита и Данила Борисовичи Приимковы.

С. Б. Веселовским было отмечено, что состав «тысячи» представлял собой «выбор с городов» — местную верхушку дворян³³. Ростовские, не занимавшие столь видного положения, как Катыревы, Темкины и некоторые другие, благодаря попытке осуществления «Тысячной реформы», оказались ближе к Москве.

На вопрос, кого из князей Приимковых подразумевает летописная запись в рассказе о «деле» князя Семена, ответ дают «Грамоты новгородским дьякам», хранящиеся в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН и частично опубликованные³⁴.

Среди «Грамот по делам поместным», за период с 15 мая 1555 г. по 29 августа 1556 г., имеются две грамоты, в которых упоминается князь Никита Семенович Лобанов. Из первой (№ XIV) выясняется, что в 7063 (1555 г.) «князь Никита княж Семенов сын Ростовского» был пожалован в Новгороде «поместьем пятнадцати обжами», которые были ему «отделены» «изо княж Васильева поместья Волкова, что осталось за делом у княж Васильевы княгине у Олены». Князь Никита жаловался на то, что княгиня Олена «рияся тому, что он сказывал [царю] на сына ее на князя Василья Литовский отъезд и ему деи от тое княгини и от ее людей продажи и убытки чинятца великие», и просил «отвести» его от княгини Олены и «та пятнадцать обеж отделили из порозжих поместий, где будет пригоже». Грамота датирована: 11 ноября 7064 (1555 г.). Эти сведения дают основания полагать, что, во-первых, князь Никита Семенович Лобанов, если и подвергался опале, то непродолжительной, а скорей всего, не только не был наказан, а даже получил дополнительные «пятнадцать обеж» земли к своим новгородским поместьям, и, во-вторых, под Приимковыми, упомянутыми Никоновской летописью в числе соучастников «отъезда» князя Семена, подразумевался князь Василий Васильевич Волк-Приимков. Во второй грамоте (№ XXXIV), датированной 15 февраля 7064 (1556 г.), уже князь В. В. Приимков, «бил челом» «во княгини Оленино место», обвиняя князя Н. С. Лобанова в притеснениях, и просил отделить его от поместья своей матери.

В «Тысячной книге» князя В. В. Приимкова нет, но он был записан в княжеском списке ДТ среди других князей Ростовских, с пометой («в Торжек»), а далее значился четвертым в списке по Торжку. Было ли это перемещение вызвано его соучастием в «деле» князя С. В. Ростовского или обусловлено другими причинами, определенно решить нельзя.

На вопрос о том, когда в соучастники дела был записан князь А. И. Катырев, можно ответить лишь предположительно. Все исследователи согласны в том, что приписки к Лицевому летописному своду делались спустя значительное время после его составления. А. А. Зимин датировал их первой половиной 1560-х гг.³⁵ Как известно, в начале 1563 г. войсками Ивана Грозного был взят Полоцк, и в плен попал бывший в нем воеводой пан Станислав Довойно с которым вел тайные переговоры князь Семен Ростовский в 1553 г. Возможно, что С. Довойно был допрошен о «деле» князя С. В. Ростовского и мог сообщить сведения, не вскрытые расследованием 1554 г. Таким образом, спустя почти десять лет «дело» князя С. В. Ростовского вновь попало в поле зрения царя. Возможно, что полученные новые данные побудили Ивана Грозного приписать к соучастникам дела князя А. И. Катырева. Успешное продвижение последнего по службе после 1554 г. свидетельствует о том, что его причастность к «делу» князя Семена, скорее всего, не была открыта. Около 1557 г. он получил боярский чин и заместил «выбывшего» князя Семена в боярском списке ДТ³⁶.

В заключение отметим, что нового дает для характеристики событий рассматриваемого исторического периода уточнение деталей «дела» князя Семена Ростовского.

В «деле» 1554 г. главными участниками были князя Семен Васильевич Ростовский и Никита Семенович Лобанов-Ростовский, принадлежавшие к разным ветвям рода Ростовских-Борисоглебских и имевшие различное социальное положение: первый был боярином и одним из самых видных представителей Ростовских при царском дворе, а другой — сравнительно малозначительным новгородским помещиком. Ошибка, подобная рассмотренной, не является исключительной в отечественной историографии. Аналогичное недоразумение возникло при публикации в 1813 г. первого тома Сборника государственных грамот и договоров, где духовная грамота сына Ивана III князя Дмитрия Ивановича (Жилки) была приписана его внуку тоже Дмитрию Ивановичу³⁷. Н. М. Карамзин, в первой половине XIX в. и Д. И. Иловайский в конце века, исходя из этой ошибки сделали ряд неправильных умозаключений³⁸, хотя ошибка была выявлена еще в 1823 г.³⁹

В соучастии в «деле», кроме князя Никиты Лобанова, как следует из «Грамот новгородским дьякам», был обвинен, на основании показаний Н. С. Лобанова, князь Василий Васильевич Волк-Приимков. В. В. Приимков был на одно поколение моложе С. В. Ростовского и Н. С. Лобанова, поэтому выражение летописи «братья его и племянники» может подразумевать соответственно Н. С. Лобанова с его родней и В. В. Приимкова с ближайшими родственниками.

События, связанные с «делом» князя С. В. Ростовского, дают основание полагать, что попытка проведения «тысячной реформы» в начале 1550-х гг. способствовала консолидации московской аристократии и позволяла приблизить к царскому двору представителей некоторых «захудавших» ветвей князей Ростовских, живших в новгородских поместьях на значительном удалении от столицы. Эта реформа проводилась не только в интересах провинциаль-

ного дворянства и усиления самодержавной власти царя⁴⁰, но и в интересах московской аристократии, позиции которой также укреплялись — в этом, быть может, нашел проявление компромиссный характер правительственных реформ 50-х гг. XVI в.

Можно ли на основании полученных выше данных о «деле» князя С. В. Ростовского согласиться с мнением Р. Г. Скрынникова⁴¹, полагавшего, что князья Ростовские «всем родом» замыслили отъехать из Москвы в Литву и суд над С. В. Ростовским обнаружил, что они «сознавали себя одним кланом»? С одной стороны, в неудавшейся попытке отъезда в Литву, принимали участие представители трех различных ветвей рода Ростовских, далеко разошедшиеся между собой в родстве и имевшие различное социальное положение, что говорит в пользу утверждения Р. Г. Скрынникова. С другой стороны, выясненные выше подробности «дела» не содержат данных о сочувствии их планам большинства однородцев из фамилий Темкиных, Щепиных, Касаткиных, Бахтеяровых, Гвоздевых, Буйносовых и др. Поэтому мы полагаем, что для определенного решения вопроса о степени сплоченности «клана» Ростовских требуется более широкая доказательная база и дополнительные исследования.

«Дело» об измене князя С. В. Ростовского не поколебало положение других представителей этого рода при Дворе. До учреждения опричнины судьба Ростовских, даже причастных к «делу», складывалась относительно благополучно. Серьезных наказаний не понес никто, кроме самого князя С. В. Ростовского, лишённого боярства и сосланного на Белоозеро, но и для него существовала перспектива восстановления утраченного статуса. Через некоторое время он был прощен и в 1565 г. назначен воеводой в Нижний Новгород⁴². Разрядные книги и летописи позволяют проследить служебную карьеру князей В. В. Приимкова и А. И. Катырева, которая проходила вполне успешно после 1554 г. Не коснулась опала родных братьев Н. С. Лобанова — Ивана и Петра Семеновичей. Троюродные братья князя В. В. Приимкова — Н. Б. и Д. Б. Приимковы — записанные в «Тысячной книге», оказались в числе немногих из князей Ростовских, лично не пострадавших даже во время опричнины. Судя по этим данным, изменником князь Семен был только в глазах царя, а руководители правительства 1550-х гг. были к нему и его соучастникам снисходительны. Недовольство ограничением своей власти «казнить изменников» и стремление переменить сложившуюся ситуацию было прямо заявлено царем при учреждении опричнины⁴³.

Никто из князей Ростовских, непосредственно замешанных в «деле», опричнину не пережил. О судьбе князя Н. С. Лобанова дополнительных сведений, кроме приведенных выше, обнаружить не удалось. Возможно, он умер до 1570 г. Во время разгрома Новгорода зимой 1570 г. погибла «Князь Никитина Ростовскаго-Лобанова княгиня Евфросиния»⁴⁴. Князья А. И. Катырев и В. В. Приимков были записаны в синодик опальных, составленный по указанию Ивана Грозного, что свидетельствует об их насильственной смерти⁴⁵. А. Шлихтинг подробно описал убийство опричниками жившего в Нижнем Новгороде «князя Ростовского»⁴⁶. Несмотря на некоторую путанность этого из-

вестия, все же можно заключить, что относится оно к князю С. В. Ростовскому. Согласно Шереметевскому боярскому списку, он «выбыл» в 7075 г.⁴⁷ (с 1 сентября 1566 г. до 1 сентября 1567 г.). С учетом деталей рассказа А. Шлихтинга, можно сделать вывод, что князь Семен Васильевич погиб зимой 1565/66 гг.

**

- ¹ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958. С. 203, 283. Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 275. Зимин А. А. Опричнина. М., 2001. С. 59; Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 116, 241.
- ² Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 203, 283.
- ³ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины... С. 275.
- ⁴ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 35; Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 22. 1553–1557 гг. М., 2010. С. 28–33.
- ⁵ ПСРЛ. Т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб., 2000. С. 237–238.
- ⁶ ПСРЛ. Т. 20. Вторая половина. Львовская летопись. СПб., 1914. Ч. 2. С. 546.
- ⁷ ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 1965. С. 226–227.
- ⁸ Лицевой летописный свод... С. 26–33.
- ⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 237. Аналогичный текст приведен и в других указанных выше летописях.
- ¹⁰ Там же. С. 238. На допросе им были названы князя П. Щенятев, И. Турунтай-Пронский, Куракины «родом», Д. Немой Оболенский, П. Серебряный, С. Микулинский.
- ¹¹ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 452–453.
- ¹² Платонов С. Ф. Сочинения. СПб., 1912. Т. 1. С. 464; Фирсов Н. Н. Чтения по истории России. Казань, 1924. С. 72; Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 332; Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 501, 283; Зимин А. А. Опричнина... С. 92; Зимин А. А. Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. М., 1978. С. 386–387; Скрынников Р. Г. Царство террора... С. 241.
- ¹³ Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. С. 15, 99–100.
- ¹⁴ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. С. 47, 53 (Бархатная книга); Родословная книга // Временник Общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10. С. 39–40.
- ¹⁵ Вероятно, прозвище Звяга (звягать — лаять) князь Семен получил после «дела» 1554 г. В первом послании А. М. Курбскому Иван Грозный называл князя Семена собакой (Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 32).
- ¹⁶ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины... С. 275, 435.
- ¹⁷ Шапошник В. В. Иван Грозный: Первый русский царь. СПб., 2006. С. 196.
- ¹⁸ Лицевой летописный свод... С. 31.
- ¹⁹ Разрядная книга. 1475–1598 гг. М., 1966. С. 67. Прадедом князя Семена был князь Владимир Андреевич, который, по летописным сообщениям, в 1474 г. продал Борисоглебскую часть Ростова Ивану III.
- ²⁰ Там же. С. 105–106, 111.
- ²¹ Там же. С. 113.
- ²² Древняя Российская вивлиофика, издаваемая Н. И. Новиковым. М., 1787. 2-е изд. Ч. XX. С. 39.
- ²³ В Бархатной книге отмечено: «быль у Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича въ Бояряхъ; а после быть въ чернцахъ у Бориса и Глеба на Устье», т. е. постригся в Борисоглебском монастыре под Ростовом. Умер в начале 1550-х гг. Древняя Российская вивлиофика... Ч. XX. С. 36.
- ²⁴ Сборник Русского исторического общества. Т. 59. СПб., 1887. С. 452–453; Устрялов Н. Г. Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. 166. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 32, 81, 142.

- ²⁵ Разрядная книга. 1475–1598. С. 140.
- ²⁶ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 112.
- ²⁷ Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. СПб., 1859–1910. Т. 1. СПб., 1859. Стб. 358, 267, 564; СПб., 1862. Т. 2. Стб. 590. Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 г. (2-я половина) // *Временник Общества истории и древностей российских*. М., 1851. Кн. 11. С. 133, 361, 370.
- ²⁸ Согласно критерию Р.Г. Скрынникова, «князья, владевшие наследственными родовыми землями и проходившие службу по особым княжеским спискам» ДТ составляли высший слой московской аристократии (Скрынников Р.Г. *Царство террора...* С. 77, 259).
- ²⁹ Дела по местничеству. «Русск. Истор. Сб.» М.П. Погодина. М., 1838. Т. II. Кн. 1–4. С. 269, 362.
- ³⁰ По предположению А.А. Зимина, эту реформу правительству не удалось осуществить полностью из-за нехватки земель, но, несмотря на это, список «тысячников» дает важный материал. См.: Кобрин В.Б. *Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.)*. М., 1985. С. 18.
- ³¹ Боярам, окольным и детям боярским первой статьи были назначены поместья в Московском уезде по 200 четей, детям боярским второй статьи — 150 четей и детям боярским третьей статьи 100 четей.
- ³² Служба «по Ростову» является косвенным указанием на то, что Темкины и Катывревы имели вотчины в Ростовском уезде.
- ³³ Веселовский С.Б. *Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси*. М.;Л., 1947. Т. 1. С. 318.
- ³⁴ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1846. С. 85–118; Греков Б.Д. *Описание актов книг XVI–XVII вв.* СПб., 1916. С. 40, 53; Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 2. Д. 23.
- ³⁵ Зимин А.А. *Опричина...* С. 61.
- ³⁶ *Древняя Российская вивлиофика...* С. 41.
- ³⁷ *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел*. Ч. 1. М., 1813. № 147.
- ³⁸ Карамзин Н.М. *История государства Российского*. Т. 7. СПб., 1819. С. 6; Иловайский Д.И. *Царская Русь*. М., 2008. С. 5.
- ³⁹ *Северный архив*. 1823. Июнь. № 12. С. 400.
- ⁴⁰ Смирнов И.И. *Очерки политической истории Русского государства...* С. 422.
- ⁴¹ Скрынников Р.Г. *Царство террора...* С. 259.
- ⁴² Разрядная книга. 1475–1598. С. 213.
- ⁴³ ПСРЛ. Т. 13. С. 392.
- ⁴⁴ Титов А.А. *Синодики XVII века Переславского Никитского монастыря*. М., 1903. С. 18.
- ⁴⁵ Скрынников Р.Г. *Царство террора...* С. 532, 545.
- ⁴⁶ *Новое известие о времени Ивана Грозного*. Л., 1934. С. 21–22.
- ⁴⁷ *Древняя Российская вивлиофика...* С. 48.